

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 52–56. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 52–56. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"18"

EDN YMSROU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

РЯДОМ С Ф. ФЕНЕЛОНОМ И Ж.-Ж. РУССО: УТОПИЧЕСКАЯ ИДИЛЛИЯ ЕВРОПЫ И АФРИКИ В РОМАНЕ «ПОЛЬ И ВИРГИНИЯ» Ж.-А. БЕРНАРДЕНА ДЕ СЕН-ПЬЕРА

Фирсова Галина Петровна, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Аннотация. Автор исследования рассматривает специфику идиллического хронотопа в романе «Поль и Виргиния» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера (1788), особенностью которого является изображение иного природного и культурного пространства, что идет вразрез с «приращенностью жизни» «к родной стране» (М.М. Бахтин). Устанавливаются предпосылки единения человека и природы, обусловленные ориентацией писателя на идеи Ж.-Ж. Руссо и Ф. Фенелона, а изображение иной природы связывается с опытом путешествий самого Сен-Пьера, желанием найти воображаемый идеал в процессе ностальгии по родине и, отдельно, влиянием утопического в романе «Приключения Телемака» Фенелона (1699). В ходе анализа становится ясно, что при внешней оппозиции Европы и Африки внутри пространства острова происходит синтез европейской и экзотической культур и флор, что выражает ностальгическое переживание автором разрыва с родиной (Х.-Ю. Лузебринк). Делается вывод о том, что Сен-Пьер с опорой на предшественников переосмысляет идиллическое путем его изображения вне строго национальных границ, а также синтеза элементов разных культур, вместе с этим он представляет его утрату, что является характерной чертой сентиментального переживания.

Ключевые слова: идиллическое, утопическое, Европа, Африка, природа, Ж.-А. Бернарден де Сен-Пьер, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фенелон.

Для цитирования: Фирсова Г.П. Рядом с Ф. Фенелоном и Ж.-Ж. Руссо: утопическая идиллия Европы и Африки в романе «Поль и Виргиния» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 52–56. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

Research Article

NEXT TO FRANÇOIS FÉNELON AND JEAN-JACQUES ROUSSEAU: THE UTOPIAN IDYLL OF EUROPE AND AFRICA IN THE NOVEL “PAUL AND VIRGINIA” BY BERNARDIN DE ST. PIERRE

Galina P. Firsova, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Abstract. The author of the study examines the specifics of the idyllic in the novel “Paul and Virginia” by Bernardin de St. Pierre (1788), whose feature is the depiction of a different natural and cultural space running counter to the “increment of life” “to the native country” (Mikhail Bakhtin). The prerequisites for the unity of human and nature are established, due to the writer’s orientation towards the ideas of Jean-Jacques Rousseau and François Fénelon, and the image of a different nature is associated with the travel experience of St. Pierre himself, the desire to find an imaginary ideal in the process of nostalgia for his homeland, and separately the influence of the utopian in Fénelon’s novel “The Adventures of Telemachus” (1699). During the analysis, it becomes clear that with the external opposition of Europe and Africa, a synthesis of European and exotic cultures and flora takes place inside the island, which expresses the author’s nostalgic experience of a break with his homeland (Hans-Jürgen Lüsebrink). It is concluded that St. Pierre, relying on his predecessors, rethinks the idyllic by depicting it outside strictly national borders, as well as synthesising elements of different cultures, at the same time he represents its loss, which is a characteristic feature of sentimental experience.

Keywords: idyllic, utopian, Europe, Africa, nature, Bernardin de St. Pierre, Jean-Jacques Rousseau, François Fénelon.

For citation: Firsova G.P. Next to François Fénelon and Jean-Jacques Rousseau: the utopian idyll of Europe and Africa in the novel “Paul and Virginia” by Bernardin de St. Pierre. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 52–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

Роман «Поль и Виргиния» (1788) Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера является частью страноведческого сочинения «Этюды о природе», поэтому последняя становится ключевой темой: повседневная жизнь юных героев, их матерей, а также рабов Доминга и Марии характеризуется связью с флорой и фауной острова Маврикий. Сам автор называет произведение пасторалью, отсылая таким образом к зарождению любовного чувства Поля и Виргинии на лоне природы. Вместе с этим применительно к произведению употребляются понятия «идиллическое», «идиллия» [Fabre; Lüsebrink; Racault], хотя специфика проявления настоящей эстетической категории не рассматривается как отдельная проблема ни в отечественном, ни зарубежном литературоведении.

Как представляется на первый взгляд, в «Поле и Виргинии» (1788) идиллический хронотоп острова Маврикий следует закономерностям, предложенным М.М. Бахтиным, и заключается в изображении «реалий как правило бытового характера», а также сочетании «человеческой жизни с жизнью природы» [Бахтин: 375]. В этом смысле реализуется общая установка идиллического на синтез: в сочетании человеческой жизни и природной ключевым становится «единство их ритма» [Бахтин: 375]. В повествовании данный синтез основан, в частности, на параллелизме между персонажами и окружающей африканской флорой, что прослеживается, к примеру, в олицетворении Поля и Виргинии, жизни их семей, с деревьями кокоса: «Из обоих этих плодов выросли две кокосовые пальмы, которые являлись архивом этих двух семейств: одна именовалась деревом Поля, другая – деревом Виргинии. Оба они росли вместе с молодыми хозяевами своими, поднимаясь на несколько неравную высоту, которая через двенадцать лет переросла хижину» [Бернарден де Сен-Пьер: 43].

Как можно заметить, особенностью произведения является изображение иной природы, что актуализирует понятие культурной границы и становится проблемным аспектом. Помещение в культурно иное пространство не соответствует характеристике идиллического прежде всего как близкого и родного, а значит, своего места: «органическая прикреплённость, приращённость жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому» [Бахтин: 374]. Из этого следует цель статьи – выявить предпосылки и специфику изображения идиллического, принимая во внимание его разворачивание вне родного пространства.

Позитивная реализация человека в отношениях с природой у Сен-Пьера обусловлена с историко-литературной точки зрения двумя аспектами. Во-первых, можно отметить характерное для эпохи переосмысление пасторальной традиции в сентименталистской литературе за счет ее сочетания с дидактической пользой. Как отмечает Л. Фабр, в «Поле и Виргинии» автор реализует предписания своего современника Ж.-П. Кларе де Флориана, который говорит в «Эссе о пасторали» (1787) о необходимости добавить «уроки приятной морали», «представить добродетель в самом ее приятном свете» [Fabre: 187] с целью придать пасторали пользу. Во-вторых, дидактическая идея единения человека и природы объяснима также влиянием Ж.-Ж. Руссо и Ф. Фенелона. В работе о рецепции литературного наследия Фенелона в литературе Франции XVIII в. А. Шерель, цитируя «Этюды о природе» Сен-Пьера, подчеркивает сходство во взглядах последнего с Руссо и Фенелоном: «Фенелон обратил умозрения Европы на сельское хозяйство, основу всех народов» [Chérel: 395–396]. Сен-Пьер также сравнивает Фенелона и Руссо, выделяя сходное стремление «привести их век к природе».

Зададимся вопросом, чем при этом может объясняться характерное для произведения изображение единения именно с иной природой. Сам автор говорит о попытке описать экзотическую природу в противопоставление привычной читателю европейской: «Я попытался нарисовать в нем почву и растительность, не похожие на те, какие есть в Европе» [Бернарден де Сен-Пьер: 7]. Далее он раскрывает свой замысел, который состоял в том, чтобы соединить некоторые нравы европейской цивилизации, ценности уединенной «естественной» жизни с экзотическим пейзажем: «Мне ведомо, что путешественники, отмеченные вкусом, оставили восторженные описания некоторых островов южного океана; однако нравы туземцев, а еще пуще наезжающих туда европейцев, часто портят там пейзаж. Мне же захотелось связать красоту тропической природы с нравственной красотой маленького общества. Я поставил также себе задачей сделать наглядными несколько великих истин, и в том числе следующую: счастье наше состоит в том, чтобы жить в согласии с природой и добродетелью» [Бернарден де Сен-Пьер: 7]. В этой связи обратимся к исследованию Х.-Ю. Лузебринка, который рассматривает «удачный союз гражданского и естественного общества» [Lüsebrink: 48] в произведении как элемент многих утопических повествований и связывает его прежде всего с «воображаемым возвращением на естественную и эгалитаристскую

прародину, потерянную в истории» [Lüsebrink: 41], где единство с природой становилось условием счастья человека. Исследователь отмечает также ностальгию по родной стране как причину поиска некоего естественного идеала в иностранных землях: опыт путешествий в колонии выделял Сен-Пьера среди современников, но также обуславливал его разрыв с Францией, что привело к попытке обрести утраченное, прибегнув к изображению иной природы.

Помимо личного ностальгического переживания, наличие иного может быть обусловлено утопической традицией, в частности представленной повлиявшим на писателя романом «Приключения Телемака» (1699) Фенелона. Данное влияние, отмеченное исследователями [Чекалов; Duflo], не получает должного аналитического развития в том, что касается изображения идиллическо-утопической действительности. Если Руссо на примере Кларана в «Новой Элоизе» представляет «идиллическую утопию» [Пахсарьян] родной Швейцарии, то Фенелон располагает идеальное государство на острове Бетика, представляя его прежде всего как чужую для Телемака политическую модель, о которой юному герою рассказывает путешественник Адоам. Как и в случае Руссо, данная утопическая модель зависит во многом от земледелия и природы, что перенял Сен-Пьер. Как следствие, он, с одной стороны, сохранил идиллические черты, описав взросление Поля и Виргинии по «естественным» законам на лоне природы, а с другой – наследовал тексту Фенелона в том, что касается особенности одной лишь утопии – иное островное пространство, представленное как наиболее благоприятное место реализации человека. Ориентация на Фенелона подчеркнута в самом романе следующим образом: вторая книга (после Библии), которая вызывает восхищение Поля, – «Приключения Телемака».

Теперь на примере взаимодействия человека с иной природой рассмотрим характерные особенности идиллического, представленные в романе. Выходя из привычной логики, идиллическое начинает выстраиваться здесь вследствие разрыва с родным пространством Европы и становится результатом освоения изначально чужого пространства острова. Вынужденные покинуть Францию госпожа де-ла-Тур и Маргарита, матери Поля и Виргинии, осваивают новое для них пространство, стараясь сделать его своим за счет ведения сельского хозяйства и, следовательно, идиллического единения с природой. Так реализуется представление Сен-Пьера о природе-матери, которая кормит человека, но, как замечает К.А. Чекалов, говоря об отношении писателя к ней, «требуется от него трудовых усилий по обработке земли» [Чекалов]. Как результат такого земледельческого труда начинают постоянно сталкиваться европейское и колониальное: белые европейцы и черные рабы, евро-

пейская и африканская флоры. Данное пространство характеризуется культурной пограничностью, о которой пишет Ю.М. Лотман, говоря о местах встречи своего и чужого [Лотман: 183].

Данные категории в произведении неустойчивы и постоянно смешиваются: так, столкновение своего и чужого изначально противопоставляет Францию и остров. Все персонажи воспринимают Европу негативно, она контрастирует с идиллическим пространством острова как нечто угрожающее ему ввиду своей отдаленности, а главное – несоответствия его «естественным» нравам. Госпожа де-ла-Тур и Маргарита представляют счастье своих детей Поля и Виргинии осуществимым «вдали от жестоких предрассудков Европы» [Бернарден де Сен-Пьер: 18], а при отъезде Виргинии, который повлечет за собой ее гибель, Поль называет Францию «варварской страной» [Бернарден де Сен-Пьер: 80]. Посредством противопоставления реализуется установка автора на идеализацию замкнутой и уединенной жизни острова, вдали от европейской цивилизации: между Францией и Маврикием устанавливаются конфликтные отношения.

Одновременно с этим в локальном пространстве острова наблюдается синтез местного африканского и европейского как проявление идиллического единения человека и природы. Этот синтез становится определяющим для данного хронотопа, что можно объяснить характерной для сентименталистской литературы тоской по прошлому. Ведь он обусловлен тем, что персонажи оказываются оторваны от родного места, как и сам автор, который ностальгировал по родным местам и создал с целью восполнить утрату «идеальное» общество, существующее по естественным законам и при этом включающее элементы европейского. Например, упомянутой рассказчиком деталью, сопровождающей его встречи с семьями Поля и Виргинии, является вино, которое представлено как атрибут Европы: «Я запасался для таких случаев несколькими бутылками старого вина, дабы увеличить веселье наших индийских трапез этими нежными и милыми произведениями Европы» [Бернарден де Сен-Пьер: 50]. Идеал здесь начинает видаться в гармоничном сочетании культурных и природных даров экзотического острова Маврикий и родной Франции.

Синтез европейского и африканского начинает захватывать пространство более масштабно и создавать специфику идиллического, ведь здесь сходятся персонажи разных культур, а также элементы разных флор: «Кольцо апельсиновых, банановых и жамровых деревьев, посаженных вокруг лужайки... <...> Они дали имена Бретани и Нормандии небольшим участкам земли, где они посеяли рожь, клубнику и горох. Доминг и Мария, желая, по примеру своих господ, закрепить память о месте рождения

своего в Африке, называли Анголой и Фулльпуантом два места, где росла трава, из которой они делали корзины и где они посадили продолговатую тыкву. Так с помощью продуктов родины семейства этих переселенцев создавали здесь сладостную видимость отчизны и этим утишали тоску по ней в чужой стране» [Бернарден де Сен-Пьер: 42].

Особенность идиллического параллелизма между природой и человеком здесь заключается в следующем: формируется новая форма их единения путем выстраивания параллельных европейского и африканского рядов. Стирается культурное и иерархическое различие между белыми европейцами и черными рабами за счет того, что все они в равной степени вынуждены заниматься земледельческим трудом на острове. Изучению динамики отношений европейцев и «других» в культурном отношении рабов посвящено исследование Э. Кюссак, однако в нем предметом анализа становится их визуальное проявление – изображение Доминга и Марии в различных изданиях произведения [Cussac]. Как видим, динамика этих отношений заслуживает внимания и с точки зрения идиллического, поскольку наполняет его колониальной и политической проблематикой. Равенство людей перед природой также показано за счет сходного стремления восполнить тоску по родному краю при помощи элементов флоры: участки иной земли обозначаются именами своих регионов, европейцам соответствуют их продукты – рожь, клубника и горох, а рабам – калебасовое дерево (в переводе *тыква*). Само идиллическое пространство предстает и характеризуется, таким образом, как гибридное, совмещающее элементы разных флор и культур.

Стремление к синтезу в повествовании сохраняется уже при разрыве с идиллическим, когда Виргиния уезжает во Францию и вместе с письмом присылает на остров семена яблок: «Для меня будет большой радостью, если когда-нибудь вы испытаете удовлетворение, видя, как яблони растут рядом с нашими кокосами. Вам будет казаться, что вы в Нормандии, которую вы так любите» [Бернарден де Сен-Пьер: 90]. В случае Виргинии речь идет уже о желании восстановить прерванную связь с идиллическим пространством острова, которое является для нее родным. Неслучайным оказывается обозначение Нормандии как родного для матерей героев пространства, поскольку этот регион был местом рождения самого писателя, что подчеркивает присутствие его ностальгического переживания в художественном пространстве.

В качестве итога можно сказать, что, при внешней ценностной оппозиции Европы и Африки, внутри идиллического хронотопа острова Маврикий провозглашается синтез их природной составляющей, что объясняется ностальгическим ощущением разры-

ва со своей родиной и призвано заместить ее. На примере идиллического хронотопа произведения представлен синтез не только человека и окружающей среды, но также разных культурных и природных парадигм, что связано с попыткой освоения изначально чужого колониального пространства.

В конечном счете идиллический хронотоп начинает характеризоваться гармоническим взаимодействием человека и природы, вобравшей разные культурные парадигмы и метонимически копирующей его положение. Так как человек в идиллическом хронотопе синхронизирован с природой, то она сама начинает отражать культурную ситуацию его оторванности от родной страны. Бернарден де Сен-Пьер обнаруживает ностальгию по Франции в идиллично-утопическом ключе при помощи своих персонажей, которые оказываются в схожей с ним ситуации.

Таким образом, продолжая идеи Руссо и Фенелона, Бернарден де Сен-Пьер предлагает свой вариант идиллического хронотопа, изображая не свой дол в привычном национальном смысле, а скорее культурный синтез, который реализуется в уединенном пространстве острова. Он выносит его за пределы Европы, делая при этом характерной чертой универсальную ценность природы, способной сочетать разные культурные и флористические парадигмы. Одновременно с этим представленное разрушение уединенности и замкнутости (отъезд Виргинии и ее дальнейшая гибель) представляет синтез-идеал как навсегда утраченный: его создание, а затем переживание потери вписывает идиллично-утопическое в сентиментальное переживание.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А.* Поль и Виргиния / пер. К. Льдова // Поль и Виргиния; Индийская хижина. Москва: RUGRAM, 2023. С. 9–151.
- Лотман Ю.М.* Понятие границы // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 175–193.
- Пахсарьян Н.Т.* Идиллия и утопия в романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» // Историко-философский ежегодник. 2013. Т. 27. С. 258–271.
- Чекалов К.А.* «Его философия – бред...». «Этюды о природе» Бернардена де Сен-Пьера // XVIII в.: литература как философия, философия как литература. Москва: Экон-информ, 2010. С. 249–258. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/chekalov-bernarden-de-sen-per.htm> (дата обращения: 01.05.2025).
- Chérel A.* Fénelon au 18^e siècle en France, 1715–1820: son prestige, son influence. Paris, Hachette, 1917, 694 p.

Cussac H. Poésie et peinture: réception des Noirs mis en scène dans *Paul et Virginie* (1789–1984). Bernardin de Saint-Pierre: idées, réseaux, reception. Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2021, pp. 195–218.

Duflo C. Figures et lectures de Fénelon chez Bernardin de Saint-Pierre. Lectures et Figures de Fénelon. Paris, Classiques Garnier, 2023, pp. 175–186. <https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14491-5.p.0175>

Fabre J. Une question de terminologie littéraire: *Paul et Virginie*, pastorale. Littératures 2, 1953 (novembre), pp. 167–200. <https://doi.org/10.3406/litts.1953.934>

Lüsebrink H.-J. Nostalgies tropicales. Bernardin de Saint-Pierre et les littératures francophones de l’océan Indien. Études littéraires, 1999, № 31 (2), pp. 41–52. <https://doi.org/10.7202/501233ar>

Racault J.-M. Virginie entre la nature et la vertu. Cohésion narrative et contradictions idéologiques dans *Paul et Virginie*. Dix-huitième Siècle, 1986, № 18, pp. 389–404. <https://doi.org/10.3406/dhs.1986.1612>

References

Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [The forms of time and chronotope in the novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Bernardin de Saint-Pierre J.-H. *Pol' i Virginiia* [Paul and Virginia], trans. by K. L'dov. *Pol' i Virginiia; Indii-skaia khizhina* [Paul and Virginia; Indian Hut]. Moscow, RUGRAM Publ., 2023, pp. 9–151. (In Russ.)

Chekalov K.A. «Ego filosofia – bred...». «Etiudy o prirode» Bernardena de Sen-P'era [“His philosophy is nonsense...”. “Sketches on Nature” by Bernardin de Saint-Pierre]. XVIII v.: literatura kak filosofia, filosofia kak literatura [XVIII century: literature as philosophy, philosophy as literature]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2010, pp. 249–258. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/chekalov-bernarden-de-sen-per.htm> (access date: 01.05.2025).

Lotman Iu.M. *Poniatie granitsy* [The concept of a border]. *Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia* [Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 175–193. (In Russ.)

Pakhsar'ian N.T. *Idilliia i utopiia v romane Russo «Iuliia ili Novaia Eloiza»* [Idyll and Utopia in Rousseau's novel *Julia or the New Heloise*]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], 2013, vol. 27, pp. 258–271.

Chérel A. Fénelon au 18e siècle en France, 1715–1820: son prestige, son influence. Paris, Hachette, 1917, 694 p.

Cussac H. Poésie et peinture: réception des Noirs mis en scène dans *Paul et Virginie* (1789–1984). Bernardin de Saint-Pierre: idées, réseaux, reception. Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2021, pp. 195–218.

Duflo C. Figures et lectures de Fénelon chez Bernardin de Saint-Pierre. Lectures et Figures de Fénelon. Paris, Classiques Garnier, 2023, pp. 175–186. <https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14491-5.p.0175>

Fabre J. Une question de terminologie littéraire: *Paul et Virginie*, pastorale. Littératures 2, 1953 (novembre), pp. 167–200. <https://doi.org/10.3406/litts.1953.934>

Lüsebrink H.-J. Nostalgies tropicales. Bernardin de Saint-Pierre et les littératures francophones de l’océan Indien. Études littéraires, 1999, № 31 (2), pp. 41–52. <https://doi.org/10.7202/501233ar>

Racault J.-M. Virginie entre la nature et la vertu. Cohésion narrative et contradictions idéologiques dans *Paul et Virginie*. Dix-huitième Siècle, 1986, № 18, pp. 389–404. <https://doi.org/10.3406/dhs.1986.1612>

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 10.05.2025; accepted for publication 14.05.2025